

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 101.1:36:130.2

А.М. Агальцев

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

На основе междисциплинарного подхода и системного анализа исследуется роль социокультурных форм как онтологических органов самопорождения человека. Акцентируется приоритетное значение культуры и ее феноменов – коллективного интеллекта, нравственности, коммуникации и общения, обрядов и ритуалов, форм общностей, индивидуально-личностного измерения, генезиса реальной философии, рефлексии – в процессе гоминизации человека.

Ключевые слова: социокультурноантропогенез, первая культурная революция, коллективный интеллект, антропогенная цивилизация, социальное и культурное, коммуникация и общение, личность, реальная философия, рефлексия.

Качественные сдвиги в осмыслении проблемы становления человека и человечества начались 40–50 лет назад. Они детерминированы двумя без преувеличения революционными достижениями мировой науки и философии. Первое: эпохальные открытия в Африке археолога, палеоантрополога Л. Лики, а затем членами его семьи (женой Марией, сыновьями Джонатаном, Ричардом) и участниками международных экспедиций останков первых гоминид, датированных 2,8 млн лет. По инициативе же Л. Лики и при его поддержке начатые в 1960-е гг. в Гомбе исследования Дж. Гудолл поведения шимпанзе в естественных условиях положили начало революции в приматологии, этологии. Второе: активная разработка теоретико-методологических оснований исследований: системного анализа, междисциплинарного подхода, синергетики, неравновесной термодинамики И. Пригожина, философской антропологии и др.

Заметим, что целый ряд интенций теоретико-методологического инструментария получает креативную разработку в трудах выдающихся ученых еще в начале XX в. Так, В.И. Вернадский в докладе «Мысли о современном значении истории знаний» (1926 г.) обосновывает междисциплинарный характер учения о человеке: в науках о человеке (человековедении) в XX в. наблюдаются два больших явления научной мысли. «Во-первых, – акцентирует автор, – впервые входит в сознание человека *чрезвычайная древность человеческой культуры*, в частности древность проявления на нашей планете научной мысли... Во-вторых, впервые сливаются *в единое целое* все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда и вполне независимо, течения духовного творчества человека (курсив автора. – А.А.). Перелом научного понимания Космоса... совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки – *смыкаются с науками о природе*, с другой, *их объект совершенно меняется*» [1. С. 239]. Действительно, вторая половина XX и начало XXI в. знаменуются переходом от эпохи Модерна к антропогенной цивилизации, одним из индикаторов которой является возрастание значимости информационно-компьютерных, ракетно-космических, генно-инженерных, нано- и других технологий. Однако еще более грандиозные перспективы открываются с развитием *коллективного интеллекта*. Не искусственного интеллекта, которым с успехом занимаются математи-

ки, семиотики, лингвосинергетики, а именно *коллективного интеллекта* – феномена существенно иной природы. Это детище не отдельных групп продвинутых и даже выдающихся интеллектуалов-изобретателей, а порождение системного организма всего планетарного человечества, состоящего из личностей. В этом системном организме взаимодействие между разумами двух личностей приводит не к простому удвоению информации, а к чему-то существенно большему: обмену не просто знаниями-мыслями, а *совместному промышливанию мыслей, смыслов, ценностей*. То есть совершается переход от монолога к диалогу и полилогу, которые являются непременной атрибутивной составляющей зарождающейся философской интенции человеческого разума.

Действительно, «философия есть одна из разновидностей коллективного разума и появляется лишь в определенной эпоху развития человеческой культуры» [2. С. 101]. Зарождение философии первоначально в форме реальной (практической, по И. Канту, или философии жизни, по В.С. Соловьеву), позднее – теоретической философии имело исключительное значение. Идеи, мысли, смыслы, рождающиеся в голове одной личности, развиваются во много раз быстрее, когда становятся всеобщим достоянием. Поэтому возможности коллективного интеллекта начинают быстро возрастать благодаря актуализации латентных ранее способностей, энергий, потенциалов по совместному генерированию и промышливанию идей, мыслей. Эти возможности, дерзнем предположить, становятся бесконечными. Нельзя не согласиться с парадоксальным афоризмом великого поэта: «*Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности» (курсив автора. – А.А.) [3. С. 100]. Такая прогрессирующая оптимизация деятельности коллективного интеллекта может иметь самые удивительные последствия. По достаточно обоснованному предположению Н.Н. Моисеева, коллективный интеллект как системосозидаемый организм на определенном этапе своего развития, достигнув высокого уровня сложности, может в результате социокультурной бифуркации генерировать свойства, «столь же превосходящие свойства и возможности современного коллективного интеллекта», как в конце палеолита интеллект *Homo sapiens* «стал превосходить интеллект остальных животных» [4. С. 11]. Системный организм планетарного человечества как бы обретет мозг, общий

планетарный интеллект, который откроет новые перспективы для эволюции человека и как биологического вида, и как социокультурного феномена Универсума.

Вернемся к центральной идее данного текста – вхождению в сознание современных людей «чрезвычайной древности человеческой культуры», в том числе древности проявления на нашей планете научных идей, и осмелимся предположить – не меньшей древности рождения и репрезентации первых философских мыслей. Не вдаваясь пока в детальное обоснование этого предположения, замечу, что появление первых философских идей, мыслей, устремлений органически связано со становлением личности и рефлексии.

Современные археология и палеоантропология намного углубили представление о древности человеческой культуры. Первые артефакты – древнейшие достоверные каменные орудия, синхронные с *Homo habilis*’om, имеют возраст порядка 2,5–2,6 млн лет. Именно этим периодом следует, вероятно, датировать начало процесса, определяемого как *первая культурная революция* в истории человечества. Суть ее состояла «во «втягивании» наших предков в культуру, ставшую в итоге для них главным и необходимым средством приспособления к естественной среде» [5. С. 71]. Добавим: не только к естественной, но и к формировавшейся *искусственной* среде («второй природе»). Разумеется, первая культурная революция не была быстротекущим процессом – она длилась минимум сотни тысяч лет. Ее революционность – в тех изменениях, которые произошли в пресоциальных структурах, взаимодействиях формировавшихся людей и том влиянии, которое она оказала на весь дальнейший ход социокультурноантропогенеза. Главным итогом этой революции стало «замыкание кольца самоустремленности» всей активности гоминид на культуру как системный фактор, определяющий генерирование и организацию всех основных сфер их жизнедеятельности, в том числе общения и сознания.

Культурные формы как онтологические органы самопорождения человека. Можно предполагать, что самоустремленность всей активности гоминид, актуализированная и усиленная культурной революцией, явилась онтологическим основанием конструирования двух реальностей: эмпирической, наблюдаемой (мир «теней», по Платону) и другой – внеэмпирической, не видимой физическим зрением. Истоки этих двух реальностей уходят в тотемистические представления о латентной, таинственной родственной связи между общностью палеоантропов и определенным видом животных. В мифологии эти представления усложняются в системе родовых преданий, ритуалов, обрядов, мистерий. Эти представления послужат в будущем основанием философий и религий. М.К. Мамардашвили считает, что в основе всех великих философий и религий лежит одна-единственная мысль: «...реально есть, существует какая-то другая жизнь, более реальная, чем наша обыденная. Есть что-то другое, что тоже живет, но живет иначе, более осмысленно – это более высокая жизнь...» [6. С. 23]. Доказывается это положение своей парадоксальностью: мысль о другой жизни появляется «именно потому, что другой жизни может и не быть» [6. С. 24], как истина существует там, где есть возможность заблуждения.

Первая реальность протекает во времени, во второй царит вечность. Первая реальность воспринимается внешними органами чувств, вторая – внутренними, зрением ума, что требует определенной экспликации. По Канту, опыт – не просто «содержание наших чувств и ощущений», но включает еще и «некоторые соединения души и тела, которые сами являются источниками опыта, способами переживания». Без этих соединений мы этих переживаний не имели бы. Это как бы дополнительные или расширенные органы чувств. Все, кто в своем творчестве пробовал раздвинуть границы нашей чувственности, науки и культуры, кто пытался испытать что-то новое, неизвестное, – все они неизбежно приходили к такой же мысли.

Известный отечественный мыслитель XX в. А.А. Ухтомский, создатель учения о доминанте – универсальном общебиологическом принципе, лежащем в основе активности всех живых систем, в отличие от традиционного понимания органа – как нечто «морфологически отлитое, постоянное, с какими-то постоянными статистическими признаками» – предлагает рассматривать его как «*всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам*» (курсив автора. – А.А.)» [7. С. 124]. Будучи «сочетанием сил» орган, по А.А. Ухтомскому, есть прежде всего инструмент *само-реализации, само-созидания* жизни, человеческого рода. Поэтому в своем докладе «Доминанта как фактор поведения» он называет доминанту виртуальным «органом поведения», определяющим способ существования человека в мире. Такое понимание органа дает основание рассматривать взаимодействие в многообразии форм коммуникации, общения как органа, структуры гоминизации и последующего самосовершенствования неоантропа. В суровых природных условиях антропогена и жестких, а то и жестоких пресоциальных взаимодействиях могли выжить лишь немногие популяции палеоантропов. Выживали лишь те, в которых на основе церебрального потенциала возникали и культивировались сообразительность, изобретательность, догадливость. В органической связи с ними (и по принципу дополнительности усиливавшие их) открывались, апробировались, практиковались новые, более конструктивные формы брачных, семейных, коллективных взаимодействий, таких взаимодействий, которые позволяли реализовать индивидуально-личностные достоинства отдельных – наиболее одаренных, талантливых самородков – в интересах всей общности. Чем сложнее, разнообразнее становилась природная и социокультурная среда, тем весомее становилось значение личностного измерения, личностной идентификации во внеэмпирической (ритуально-мистической, магической) и в повседневной эмпирической реальности.

Зарождение и становление индивидуально-личностного измерения, личностной идентификации предполагает достаточно развитый уровень социокультурных оснований.

Революционный сдвиг в исследовании социокультурных оснований происходит минимум в двух направлениях. Первое (о нем сказано выше) – когда речь шла об углублении представлений о древности человеческой культуры и первой культурной революции. Здесь уместно

добавить об удлинении в два с лишним раза истории вида *Homo sapiens*'а. Люди современного или очень близкого к современному физического типа появились в Африке к югу от Сахары «не 40, как думали раньше, а по меньшей мере 100 тыс. лет тому назад» [5. С. 109].

Второе направление связано с выявлением приоритетной роли *социокультурных оснований* в процессе гоминизации, в том числе возросшей роли коммуникации, общения. Палеоантропы – переходная ступень от архантропов к неолантропам. По уровню культуры палеоантропы, за исключением самых поздних разновидностей, очень мало отличались от архантропов. Они пользовались такими же орудиями, жили главным образом за счет собирательства и охоты и часто мигрировали с места на место в поисках пищи. «Единственная сфера» их жизнедеятельности, в которой, «возможно, произошли очень важные изменения по сравнению с предшественниками – это *общение, коммуникация*» [5. С. 95]. Исследователи связывают эти изменения во взаимодействиях палеоантропов, прежде всего, с появлением членораздельной, синтагмической речи и приручением и систематическим использованием огня.

«Единственная сфера» важных изменений палеоантропов по сравнению с архантропами – *сфера общения, коммуникации*. Эта «единственная», вероятно, инициировала социокультурную *бифуркацию*, приведшую к революционному сдвигу – появлению *неолантропов*. Один из принципов системного развития предполагает не только воздействие целого на его составляющие, но и обратную детерминацию – влияние отдельных элементов на структуру и функции целого. Нет ли оснований предположить, что изменение характера коммуникации – ее усложнение и оптимизация с появлением синтагмической речи, символов, возвышение до уровня общения не только в рамках семьи (мать, дети, братья, сестры), но и общности – оказало мощное креативное воздействие на все остальные сферы бытия (производственную, бытовую, ритуально-мифологическую и др.)? Ускорился процесс первой культурной революции по «втягиванию» наших предков в социокультурные структуры как онтологические органы самопорождения человека, конституирования его личностного измерения. Эту рискованную гипотезу инициирует одно соображение: известный биогенетический закон Э. Геккеля–Ф. Мюллера – онтогенез в снятом, кумулятивном виде повторяет основные ступени филогенеза. Вспомним известный феномен взрыва *социальности* у восьминедельных младенцев. В филогении должен быть период, когерентный этому скачку социальности. Им вполне могла оказаться эпоха гоминизации палеоантропов. Две волны миграции палеоантропов, позднее неолантропов из Африки в Евразию, Америку, Австралию: первая – на край Ойкумены (все дальше и дальше от других), а вторая – возврат на уже заселенную территорию. Все это свидетельствует о чрезвычайной коммуникативной активности; становлении, институционализации возникших ранее тенденций общения: единения, притяжения – обособления, отталкивания.

Помимо общетеоретических соображений (проявление принципа системного развития, биогенетического закона) предположение о скачке в развитии *социокультурных* структур подтверждают еще три аргумента.

1. Обнаружение нескольких десятков погребений у поздних палеоантропов (неандертальцев).

2. Отчетливая фиксация в погребениях биологически бессмысленной, избыточной, но длительной и весьма результативной заботы о сородичах, потерявших естественную жизнеспособность.

3. В обряде погребения как установлении определенной коммуникации между живыми и умершим атрибутивным элементом стало изобретенное человеком исполнение *ритуала оплакивания умершего*¹.

Этот ритуал является серьезным аргументом конституирования социокультурных структур (органов) самопорождения человека. Его символически лапидарно выразил М.К. Мамардашвили в своем ответе на вопрос известного психолога А.Н. Леонтьева. Когда последний спросил, с чего начался человек, Мераб Константинович, не задумываясь, ответил: «*С плача по умершему*» [8. С. 15]. Действительно, если обустройство жилища с очагом, постоянным использованием огня было символом отделения архантропов от антропоидов, то ритуал плача по умершему – полисемантический символ отграничения неолантропов от палеоантропов. Полисеманτικότητα в многоплановости смыслов этого символа: а) разделение горя, печали с другими членами семьи, родственниками; б) соучастие, солидарность со всеми участниками ритуала; в) подтверждение своей связи с умершим и изменение характера коммуникации, общения с ним. Ритуал оплакивания представляет институционализацию социокультурной структуры сплочения, единения членов общности перед лицом постигшего их горя. Животные не ведают и не имеют плача. По наблюдениям К. Лоренца и других этологов, животные могут реагировать на смерть сородича агрессивно-оборонительной позой и соответствующими действиями, направленными на защиту трупа или самозащиту от неведомой опасности [9. С. 243]. Однако животным не свойственно длительное время искусственно поддерживать жизнь больных, раненых, одряхлевших особей. С биологической точки зрения это было бы нецелесообразным: природа не нуждается в беспомощных.

Оплакивание умершего – крайняя избыточность, расточительность с точки зрения природной целесообразности. Но вспомним креативное суждение У. Джеймса о главном отличии человека от животных: «в количестве и в *фантастичности* и *ненужности* его потребностей – физических, нравственных, эстетических и умственных». Ритуал плача по умершему – в этом ряду избыточных социокультурных потребностей и конгруэнтных им структур. Этот ритуал есть системообразующее основание культурной памяти людей. Ибо «уже сама по себе экзальтация чувств переводит участника ситуации в лоно действия *культурной памяти*, культурного механизма» [10. С. 18]. А без этого человек остался бы вне состояния переживания, вне памяти данного события. Животные, не имея оснований в лице ритуалов-символов, не помнят, что с ними было вчера. Человек тоже не помнил бы без таких ритуалов. Следовательно, ритуалы нужны человеку, чтобы «всхлестывать» чувствительность, «переводя ее в бытие культурной памяти, и благодаря этому живут человеческие чувства или то, что мы называем в чело-

веке человеческим» [10. С. 19]. Итак, экспликация погребений и ритуала оплакивания свидетельствует о скачке в развитии социокультурных структур, оптимизации коммуникации, общения в эпоху перехода от палеоантропов к неолантропам. Эта же экспликация открывает перспективы креативного соотнесения социального и культурного в контексте общения как атрибутивного фактора социокультурноантропогенеза.

Этот скачок, можно предполагать, заключался в соединении социальных структур, интенций с культурными структурами, устремлениями. Или в переходе последних из потенциального, латентного в актуальное, действительно функционирующее состояние, которое могло быть делом случая – редкого пересечения в нужном месте и нужном времени ряда благоприятных обстоятельств, как это случилось в эпоху перехода от антропоидов к архантропам.

Скачок от палеоантропов к неолантропам (на границе среднего и верхнего палеолита) инициирован в значительной мере кризисом – кризисом популяций неандертальцев, создавших достаточно развитую материальную культуру Мустье, однако без коррелятивного уровня «духовной индустрии». Свобода выбора физических, в том числе агрессивных действий при недостатке духовных регуляторов, действенных табу на деструктивную коммуникацию порождала невротический синдром, который проявлялся в асоциальном поведении со «всплесками неуправляемой агрессивной энергии» [11. С. 433] и насилия внутри собственных групп. Борьбу в острой конкуренции одержали популяции протокроманьонцев, в которых уровень материальной культуры коррелировал с духовно-нравственным развитием. Более жизнеспособным оказался характер взаимодействий: строгость табу на внутригрупповую агрессию сочеталась с более высоким уровнем сплоченности, взаимопомощи. Толерантная коммуникация дополняется элементами общения. Индивидуальная жизнедеятельность, хотя и редко (у отдельных талантливых), поднимается, самовыстраивается, самосозидается до *личностного измерения*. Если неандертальцы остановились на стадии природного (биологического) и социального развития, остановились перед *хронотопом Культуры*, то кроманьонцы (неолантропы) вступили в измерение культуры.

В трехчленной структурной декомпозиции бытия: «природа–общество–человек» М.С. Каган атрибутирует культуру как *«преображение человеком природы по законам общества»* [12. С. 45]. Это означает, что «культура» близка к содержанию понятий «человек» и «общество» и вместе с ними противостоит «природе». И потому, что «система «общество–человек–культура» образует миниатюрную нишу в бескрайнем пространстве природы, и потому что три подсистемы данной системы – не «слагаемые», каждое из которых занимает в ее топосе строго определенное место, «а такие подсистемы, которые как бы наслаиваются друг на друга, пронизывают друг друга, переходят друг в друга и могут быть вычленены каждая лишь в результате ее абстрагирования от двух других» [12. С. 45–46].

Взаимопроникновение, взаимопереход подсистем прослеживается в становлении и последующем развитии коммуникации, общения. Взаимосвязи животных,

ведущих стадно-групповой образ жизни, ограничиваются контактами в процессе удовлетворения утилитарно-витальных потребностей: половых, пищевых, защитно-оборонительных. Взаимодействие индивидов в биосоциальных общностях архантропов поднимается на уровень коммуникации. Последняя, будучи субъектно-объектным отношением, расширяет и углубляет взаимосвязи индивидов: делает их более устойчивыми, с одной стороны, и более динамичными – с другой; индифферентность сочетается с избирательностью (селективностью в выборе брачного партнера); агрессивность умеряется толерантностью. То есть взаимодействие на уровне социальной коммуникации становится более многообразным, пластичным, амбивалентным. Скачок из мира палеоантропов в общины неолантропов предполагает включение в социальную подсистему подсистемы культуры. Во взаимодействии людей это выразилось в соединении коммуникации с принципиально новым – субъектно-субъектным отношением или общением. Рассмотренный ранее ритуал плача по умершему есть уже социокультурный феномен, *социокультурная структура*. В ней выражается, воспроизводится *со-участие, -присутствие, -переживание, -печаль* – это все личностно-экзистенциальные состояния. Плач по умершему – свидетельство развития *личностного измерения*, пусть еще недостаточно стабильного, не носящего массового характера, но уже имеющего место. Можно резюмировать: любое культурное социально, но не всякое социальное есть культурное, культурное. Коммуникация индивидов – социальное, *общение Личностей – культурное измерение*. Культура – то, что делает Номо, потенциальных людей людьми действительными. Чтобы стать человеком, надо подвергнуться воздействию искусственной среды, культуры. Животными рождаются, а человеком *становятся* лишь определенное время спустя после рождения и лишь при наличии необходимых биологических предпосылок, социокультурной среды и неукротимой воли, устремленности состояться, самореализоваться.

В процессе социокультурноантропогенеза культура становится лоном самопорождения человека. Основные культурные формы: семья – мать и дитя, затем парная, патриархальная, моногамная; род, община, племя, ритуально-тотемистические, производственные общности (возникавшие в процессах подготовки к охоте и ее проведении, совершения обрядов рождения, похорон, инициаций; игровые, развлекательно-досуговые, воинские общности); нравственные нормы (законы) сотрудничества, взаимопомощи, защиты слабых (детей, женщин, раненых), запреты – пищевые, половые – структуры, возникавшие на исторически первых и последующих ступенях первобытного социума, были прообразами будущих институтов гражданского общества, органами онтологии, возвышавшими формирувавшегося человека над его собственной животной природой.

Культура – искусственный феномен, генерированный в мучительном процессе само-созидания, порождения человека, открывший ему *целостное, универсальное* видение мира. Потребность ориентации в реальности, изобретение новых способов жизнедеятельности предполагают целостное видение мира челове-

ком. Пусть даже нечеткое, неточное, *но целостное!* Такое видение дает ему только неформальное мышление, интуиция, фантазия. Но здесь всегда неизбежны субъективность, случайность, недосказанность, неопределенность, неоднозначность. Символизм всегда многозначен. Без творческого, духовного начала, без горизонтов своего внутреннего мира человек обречен на рутинное прозябание, а его общественные структуры – на стагнацию и деградацию. Эти состояния проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе в культуре и науке. Синтез двух начал – логического и образного, без которого любое знание неполно, ущербно, однопланово, – одна из труднейших, если не самая трудная, среди проблем современной теории искусственного интеллекта. Сейчас эти трудности преодолеваются путем диалога человек – компьютер, т.е. включения в компьютерную систему в качестве блока «неформального мышления» самого исследователя, человека. Природе в процессе эволюции мозга пришлось преодолевать эту трудность. Но она не имела субъекта, способного взять на себя роль исследователя, опирающегося на данную ему способность неформального мышления и воспроизводящего целостную картину мира. В итоге обе системы оказались совмещенными в одном – в человеке. «Появление двух полушарий головного мозга, выполняющих две различные функции мышления, обеспечивших сочетание двух столь разных инструментов познания, было, вероятно, одним из *гениальнейших “изобретений” Природы*» [13. С. 63], показывающих неисчерпаемость вариантов эволюции и сколь велики запасы потенциальных возможностей, извлекаемых процессом самоорганизации по мере усложнения и роста разнообразия форм бытия материального мира.

Именно с этим изобретением природы – изменением структуры мозга, особенно развитием функциональной асимметрии полушарий мозга, известный исследователь эволюционной эпистемологии И.П. Меркулов связывает совершенствование взаимодействий неантропов, развитие потребностей людей в более действенной коммуникации, эффективном общении, «в передаче сложной информации, в *детальном анализе ситуации* и т.д.» [14. С. 81]. Детальный анализ ситуа-

ции предполагает выход за пределы этой наличной ситуации, промысливание своей деятельности с предметами, оценку ее и соответствующую коррекцию. А это есть трансцендирование, или рефлексия. Разделяя аргументированную позицию Ю.В. Петрова о том, «что в основании теоретической философии лежит категория рефлексии» [2. С. 102], полагаем, что реальная философия также включает в себя рефлексию на уровне интуитивного, метафизического анализа.

Именно сочетание строго логического – основы развития процесса накопления знаний и превращение их в свое время в науку и *духовности, эмоционально-чувственного* восприятия мира, породивших интуицию, *искусство, философское*, религиозное мышление, открыло возможность родиться *культуре* в ее высокой гуманистической форме. Особенно, подчеркнем, *искусства*, как наиболее острого и объемного выражения образного мышления и *философии* как синтетической, объемной (голографической) интерпретации и репрезентации Вселенной и человека в ней, целостного видения мира и бытийствования в нем. То есть философия с момента своего зарождения остается атрибутивной составляющей коллективного разума, как отмечалось ранее. Одновременно философия есть *индивидуальная форма бытийно-личностного эксперимента* – одна из центральных идей метафизики М.К. Мамардашвили.

В современных условиях культура, включая нравственность, перестает быть «надстройкой». По существу, она начинает определять судьбу вида «человек разумный». Культура, вероятно, всегда была детерминантой, определителем судеб человека: и в период социокультурноантропогенеза, и на последующих этапах истории человека и человечества. Только эта детерминация была взаимной: культура породила человека и оставалась основанием его воспроизводства. А человек генерировал и продолжает генерировать культуру во всем многообразии ее форм. Сложный, многоплановый, можно сказать, голографический характер взаимосвязей человека и культуры является основанием атрибутировать человека действенным культурогенным субъектом: реализуя себя в культуре, делая ее своим инобытием и ею же творимый.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Детальный анализ этих аргументов в работе: Агальцев А.М. Природа общения. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 115–120.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981.
2. Петров Ю.В. Антропологический образ философии. Томск: Изд-во НТЛ, 1997.
3. Пушкин А.С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико // Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 12.
4. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Вопросы философии. 1993. № 8.
5. Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции. М.: Весь Мир, 2004.
6. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
8. Зинченко В.П. Послесловие к дружбе // Вопросы философии. 1991. № 5.
9. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, Универс, 1994.
10. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
11. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: БКИ, 1997.
12. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.
13. Моисеев Н.Н. Логика универсального эволюционизма // Вопросы философии. 1989. № 8.
14. Меркулов И.П. Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 18 октября 2008 г.